

наречие переложить», именно тем, что «оное в наречии древнем и паче инде от краткости, инде от избыточного распространения повести не всякому вразумительно».²⁰

Однако «История российская» на новом наречии должна была стать более доступной читателю не только благодаря знакомому современному ему языку. Вспомним, что в тексте на древнем наречии Татищев прежде всего был озабочен тем, как бы ему «вероятность не погубить» и из этих побуждений включал в свой текст только летописные известия. Теперь он полагает, что написанная «настоящим наречием и яснейшим слогом» его «История» будет, как он писал К. Г. Разумовскому, «гараздо яснее, ибо многое из Степенной для прикрасы речения беру».²¹ В перечень пополняющих летописные данные источников Татищев, помимо Степенной, помещает хронографы и другие памятники древнерусской письменности.

Действительно, Татищеву во многом удалось решить поставленную им перед собой новую задачу. Единственная часть «Истории российской», которую он успел до смерти заново написать на новом наречии, значительно увеличилась в своем содержании и объеме (вместо прежних 271 страницы, не считая примечаний и указателей, новая редакция того же повествования о судьбах Руси от Рюрика и до нашествия татар заняла теперь 396 страниц).²² Не потеряв своей «вероятности», она в то же время приобрела теперь новые черты литературного изложения исторического прошлого.

В те же годы, когда Г. Ф. Миллер приступил к посмертному изданию исторического труда Татищева, начал печатать свою «Историю российскую с древнейших времен» кн. Мих. Мих. Щербатов, имевший в своем распоряжении благодаря немалой помощи со стороны Г. Ф. Миллера значительный свежий архивный материал. Тем не менее читатели и ученые явно предпочли литературное изложение Татищева изложению Щербатова. Екатерина II, интересу которой к сочинению истории обязано издание третьей части татищевского труда, писала: «История кн. Щербатова и скучна и тяжеловата; голова его не была способна к этой работе. История Татищева совсем другое дело: это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело».²³ Самый выдающийся по остроте своего ума и по своему стилистическому чутью историк XVIII в. генерал-майор Иван Никитич Болтин в своих «Критических примечаниях» на «Историю» Щербатова постоянно противопоставляет соответствующие тексты Щербатова текстам

²⁰ Там же, т. I, стр. 91.

²¹ Исторический архив, т VI, стр. 250, 252.

²² История российская, т. IV, стр. 107—378 (первая редакция); т. II, стр. 25—193 и т. III, стр. 9—237 (вторая редакция).

²³ Письмо Екатерины II Сенаку де Мельяну, июнь 1791 г.—В кн.: Сборник имп. Русского исторического общества, т 42, 1885, стр. 199.